

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ
ИНСТИТУТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.342.2

© 2015 г.

*Ю.Г. Волков, Ф.А. Барков,
А.В. Верещагина, О.Ю. Посухова,
А.В. Сериков, В.В. Черноус*

СРЕДНИЙ КЛАСС В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ, ЦЕННОСТНЫЕ
УСТАНОВКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ
СТАНОВЛЕНИЯ*

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, директор Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: infoiprk@sfnu.ru

Барков Федор Александрович – кандидат социологических наук, докторант ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: barkovfedor@gmail.com

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: anrietta25@mail.ru

Посухова Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: bel-loks@yandex.ru

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, заведующий сектором социологии конфликта Южнороссийского фи-

*

лиала Института социологии РАН, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: aserikov@inbox.ru

Черноус Виктор Владимирович – кандидат политических наук, профессор, заведующий сектором политологии и политической социологии Южнороссийского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, e-mail: kavkazdon@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей среднего класса в Ростовской области. Работа основана на результатах социологического исследования, которое было построено на инструментарии и методологии, разработанных учеными Института социологии РАН в ходе реализации крупномасштабного проекта «Средний класс в современной России: 10 лет спустя».

Ключевые слова: средний класс, стратификация, Ростовская область, социальное самочувствие, потребление, поведенческие установки.

Проблема среднего класса (СК) в современной России является одной из актуальных и неоднозначно рассматриваемых в отечественной социологической науке. Тяжело было говорить об устойчивом СК в начальный период становления рыночных отношений и социально-экономических преобразований в России, но после двадцатилетия реформ ученые с уверенностью утверждают о наличии СК в российском обществе [8, 14], хотя споры о том, что представляет собой СК и каковы критерии принадлежности к нему, не утихают до сих пор и составляют предмет активной дискуссии в социологических кругах [12, с. 8].

Точки зрения высказываются самые противоположные, вплоть до отрицания наличия в социальной структуре современного российского общества СК. Разброс цифр в отношении оценки численности СК в России крайне значительный: от 2-3 % до половины населения страны [12, с. 8]. Н.Е. Тихонова, используя ресурсный подход в стратификационных исследованиях, определила, что СК составляет сегодня в России около трети населения [13, с. 358].

Р.С. Гринберг отмечает, что в отношении социальной структуры общества Россия значительно отделилась от западных социально-экономических стандартов, приблизившись к усредненным характери-

стикам стран третьего мира, характеризующихся громадной поляризацией личных доходов [7, с. 37]. Масштабы социальной поляризации в России, по мнению Р.Х. Симоняна, не идут ни в какое сравнение с другими восточноевропейскими странами, которые в эпоху экономических реформ также столкнулись с проблемой дифференциации по критерию доходов [11, с. 41].

За пореформенный период Россия, как пишет академик М.К. Горшков, достигла определенных успехов, но вместе с тем осталась масса нерешенных проблем, связанных с крайне неравномерным распределением собственности и доходов между различными слоями и группами населения; высоким и невиданным для индустриальных стран разрывом между бедностью и богатством без видимых тенденций к сокращению; появлением значительного слоя «новых бедных», пополняемого за счет неполных и многодетных семей [6, с. 35]. В настоящее время, по данным ИС РАН, за чертой и на грани бедности, а также в состоянии малообеспеченности находится более половины населения России [5, с. 326].

В данном исследовании мы будем отталкиваться от индикаторов, которые были предложены в исследовании ИС РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя», в котором для отнесения индивидов к СК были выбраны следующие критерии и их пороговые значения [12, с. 9]:

- уровень образования (наличие как минимум среднего специального образования);
- профессиональный статус, означающий нефизический характер труда;
- уровень благосостояния, включающий показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом;
- самоидентификация – интегральная самооценка индивидом своего статуса в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов включительно.

Совершенно очевидно, что СК, как и любая социальная группа, характеризуется своей неоднородностью, и исследователи ИС РАН по критерию уровня образования и социально-профессионального статуса выделили в нем два внутривидовых образования:

- ядро СК: относительно устойчивое социальное образование, объединяющее в своем составе представителей СК, наиболее ярко выражающих его качественные особенности и характеристики;

- периферия ядра СК, включающая тех представителей СК, которые характеризуются значительно меньшей устойчивостью качеств, отличающих данный класс [11, с. 10].

Ядро СК составили индивиды, имеющие высшее образование и навыки работы на компьютере, руководители, предприниматели и специалисты, а периферию ядра СК составили самозанятые, рядовые служащие и работники торговли со средним специальным образованием, а также индивиды с нетипичным сочетанием профессиональной позиции и уровня образования и неработающие представители СК. В исследовании ИС РАН был выделен в качестве отдельного структурного образования потенциальный СК, представители которого, не соответствуя одному из трех критериев СК (уровень образования, уровень благосостояния, самоидентификация), по уровню социально-профессионального статуса могли быть отнесены к нему.

В представляемой статье приведены данные, полученные в ходе реализации поискового социологического опроса «Средний класс в Ростовской области: поведенческие стратегии, ценностные установки и социальные ресурсы становления». Несмотря на то что исследование было построено на инструментарии и методологии, разработанных учеными Института социологии РАН в ходе реализации крупномасштабного проекта «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» (при поддержке Фонда им. Ф. Эберта в России), наш региональный проект можно назвать поисковым, поскольку теоретическая модель исследования, ключевые исследовательские вопросы не разрабатывались нами с самого основания, а были имплицитно заимствованы с инструментарием у московских коллег. Именно поэтому цели нашего проекта не были столь амбициозны, как у представителей научно-исследовательской команды ИС РАН, и заключались скорее в поиске отличительных, характерных для нашего региона тенденций, а также одновременном дополнении тех данных, которые были получены за последние годы в ходе реализации ряда значимых социологических проектов: «Двадцать лет реформ глазами жителей Ростовской области» [2], «Казачество как этносоциальный феномен современной России» [9], «Армянские диаспоры Юга России: социологический портрет и проблемы идентичности», «Формирование региональной идентичности донского сообщества: ценности, нормы, традиции», «Молодая семья в Ростовской области», «Патриотическое воспитание молодежи в Ростовской области», «Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области» и др.

В нашем исследовании респонденты были представлены различными социальными слоями как по стандартизированным параметрам (уровень образования, уровень благосостояния, уровень социально-профессионального статуса), так и по критерию самоидентификации, который может и не совпадать с вышеперечисленными критериями отнесения к СК. Так, по уровню самоидентификации порядка 82 % респондентов отнесли себя к среднему слою общества (8,7 % – к верхней части среднего слоя, 42,5 – к средней части и 31,1 % – к нижней части).

При этом сами респонденты в качестве ключевого критерия отнесения себя к тому или иному слою в обществе определили уровень материальной обеспеченности (64,3 %). Затем по степени важности значатся такие показатели, как уровень образования (41,2 %) и образ жизни (39,1 %). Критерии, связанные с социально-профессиональным статусом (престижность профессии, должность по работе, уровень квалификации), для респондентов не оказались значимыми при определении своего положения в обществе (рисунок). Во многом схожие данные были получены в ходе аналогичного всероссийского исследования, проведенного ИС РАН: 63 % россиян главным критерием оценки своего социального статуса считают уровень материальной обеспеченности, 57 – образ жизни, 26 – уважение окружающих и 26 % – уровень образования [12, с. 197].

Распределение ответов на вопрос «По каким показателям вы оцениваете свое положение в обществе в настоящее время?», %

Тем не менее даже по такому критерию, как уровень материальной обеспеченности (будем рассматривать его как аналогичный критерию «благосостояние» из числа предложенных ИС РАН), уровень самоидентификации опрошенных нами респондентов оказался значительно завышенным, поскольку только 29,7 % опрошенных нами жителей Ростовской области полагают, что материально обеспечены хорошо, хотя 44,3 % достаточно высоко оценили свой статус в обществе, который, очевидно, не связан в сознании респондентов с уровнем материального благосостояния и перспективами профессиональной самореализации, которые, судя по полученным данным, имеются только у 35 % опрошенных.

При этом наблюдается межпоколенческая динамика в уровне образования, которая характеризуется повышением образовательного уровня тех респондентов, родители которых не имеют высшего образования, что соответствует общероссийской тенденции роста численности населения, имеющего диплом высшего учебного заведения.

Привлекает внимание высокая значимость для самоощущения своего статуса критерия «образ жизни», который формирует основы демонстративного потребления. Это особенно заметно в среде СК, для которого оно выступает основой самоощущения и самооценки своего статуса в обществе. Большинство опрошенных нами респондентов имеют в собственности автомобили импортного производства, кухонную и цифровую технику, кондиционер, не говоря уже о технике, давно ставшей нормой современного образа жизни, – компьютере, мобильном телефоне, спутниковом телевидении.

Свободные деньги, в случае их наличия, большинство респондентов (28,7 %) готовы потратить на развлечения, поездки (отдых, туризм), а 24,5 % откладывают деньги на «черный день»; 17,6 – кладут деньги в Сбербанк, 17,1 – покупают дорогостоящие предметы длительного пользования, 12 – стараются помочь материально друзьям и родственникам, 9,7 – вкладывают в коммерческий банк с целью получения выгодных процентов, столько же инвестируют в землю, жилье и т.д., 3,7 – покупают валюту, 2,8 % – покупают ценные бумаги. Очевидны две стратегии, связанные с использованием появляющихся денежных средств, – потребительская (потратить на дорогостоящие предметы, развлечения, отдых) и накопительная.

В стране с высоким уровнем неопределенности и нестабильности в экономической сфере ожидать реализации иных стратегий, связанных с инвестированием в долгосрочные производственные, коммерческие, инновационные и т.п. проекты, было бы несколько странно, а по-

тому рассматривать СК в России как основу развития инновационного сектора, как экономический фундамент, способный обеспечить реализацию стратегических планов России в области социально-экономического прорыва, видимо, еще рано.

В своем большинстве представители СК в Ростовской области, как показало наше исследование, ориентированы на обеспечение высоких статусных позиций, которые ассоциируются с определенным образом жизни, с конкретными предметами потребления. Для реализации своих потребительских и досуговых запросов респонденты в своем большинстве обращаются к такому средству, как банковский кредит (34,6 % опрошенных имели на момент опроса невыплаченные кредиты в банках).

Иерархия потребительских предпочтений респондентов достаточно предсказуема и соответствует стандартным представлениям о благосостоянии: жилье (квартира, дом) (48,8 %), автомобиль (21,7 %), отдых, путешествие за границу (12,4 %). Такие результаты были получены при ответе на вопрос «Что бы вы в первую очередь сделали или приобрели для себя или своей семьи, если бы у вас вдруг появилась соответствующая сумма денег?»

Важнейшим критерием отнесения к СК является социально-профессиональный статус, который определяется принадлежностью к сфере профессиональной деятельности, не связанной с физическим трудом. По данному критерию в нашем исследовании численность респондентов, которых можно отнести к СК, не превышает 68 %, не считая 16 % тех, кто на момент проведения опроса позиционировал себя как неработающих.

Таким образом, в нашем исследовании, если отталкиваться от критериев отнесения к СК, предложенных ИС РАН, численность респондентов, которых с определенной долей условности, учитывая известные расхождения в современной российской реальности между понятиями «уровень образования» и «качество образования», «материальное благополучие» и «благосостояние», «социально-профессиональный статус» и «положение в обществе», можно отнести к СК, колеблется в пределах 80 %, но значимая часть из них находится на периферии СК и при малейших изменениях рискует попасть в категорию потенциальных представителей СК. Об этом свидетельствуют высокий уровень нестабильности на рынке труда и соответствующие ей настроения среди респондентов относительно рисков потери работы. Так, 38,1 % опрошенных считают вполне возможной вероятность оказаться безработным в ближайшие 2-3 года, а 7,9 % полагают, что такая вероятность

очень велика. Исследование показало также, что 64,6 % опрошенных хотели бы поменять работу.

Высокий уровень нестабильности в сфере трудовой занятости не позволяет планировать жизнь на отдаленный период: лишь 6,8 % респондентов планируют свою жизнь на период не меньше, чем 5–10 лет вперед, 39,5 – ее не планируют даже на год, 40,5 % – только на ближайшие 1-2 года. СК в его классическом восприятии олицетворяется с высоким уровнем стабильности и уверенности в своем положении, но в отношении российского СК этот показатель не может выступать определяющим, что и формирует специфику данного социального класса в современной России и позволяет его характеризовать как динамичный, подверженный рискам дестабилизации с точки зрения положения и устойчивости его позиций в обществе.

В наименьшей степени подвержены рискам дестабилизации те представители СК, которые составляют его ядро, а таковых в нашем исследовании в соответствии с критериями «уровень образования», «уровень благосостояния» и «социально-профессиональный статус» чуть более 30 %. Для остальных рискогенными факторами могут стать отсутствие высшего образования, высокой профессиональной квалификации и материальная нестабильность (материальное положение на уровне «удовлетворительно»). Вероятность отрицательной динамики в формировании СК в Ростовской области подтверждается также тем, что для 64,7 % респондентов основным источником доходов является зарплата по основному месту работы, которая, как было показано выше, не освобождает от риска остаться безработным.

В структуре СК в Ростовской области заметно определенное отклонение от общероссийских показателей в отношении характера профессиональной деятельности его представителей. В частности, несколько меньший процент респондентов, относящих себя к СК, занимаются предпринимательской деятельностью, но при этом есть достаточно высокий процент желающих заниматься своим бизнесом, т.е. бороться за более высокий доход в сфере повышенного экономического риска при более высоких потенциальных возможностях и самостоятельности.

Однако исследование выявило и большую долю населения, которое вообще не планируют заниматься самостоятельной предпринимательской деятельностью. Именно эта группа респондентов склонна оценивать принадлежность к СК по критериям образования, занимаемой должности, самооценке и культурным запросам. И представители именно этой группы респондентов, относя себя к СК, заявляют о нали-

чии серьезных, беспокоящих их проблем с доходами, уровнем жизни, демонстрируют наличие витальных страхов. Исключение в этой группе составляют те респонденты, которые занимают достаточно высокие и доходные должности в сфере государственного управления или в бизнесе на должностях наемных управленцев, не имеющих доли в бизнесе.

Результаты социально-профессиональной структуры Ростовской области наводят на мысль о нестабильности СК как определенной социальной группы, которая по факту не имеет прочной экономической основы или показывает отсутствие у респондентов реального понимания, что такое СК, и их завышенную самооценку и социальные ожидания. Такое положение может свидетельствовать и о наличии у респондентов, считающих себя принадлежащими к СК, определенной неуверенности в собственных силах, которая выражается в неготовности начинать собственное дело и идти на риск.

Другой стороной этого явления является недоверие респондентов к институциональной системе российского общества, которая отвечает за развитие малого предпринимательства как основы СК. По сути, это отражает слабость и неэффективность государства в борьбе с коррупцией и бюрократическими ограничениями, а также в целом неуспешность стратегии выстраивания экономических основ существования СК как полноценной и устойчивой общественной группы.

Проведенное исследование показывает, что по уровню самооценки 42,5 % респондентов относят себя к среднему слою (классу), к нижней части СК себя готовы отнести 31 % респондентов, но к высшей ступени – только 8,7 %. Такая самооценка во многом не соответствует реальному уровню доходов и остальным экономическим критериям, но она показывает уровень социальных ожиданий.

Всего ко всем стратам СК в Ростовской области себя относят 82,3 %, что соответствует общероссийским данным при расширенном подходе при определении СК. Несоответствие реальных условий и самооценки создает условия для появления положения фрустрации и может сделать из СК в России не консервативную опору существующего политического режима, а оппозиционную массу недовольного своим положением населения. Это общероссийская тенденция, которая по-разному проявляется в региональной политике. Если для Москвы и Санкт-Петербурга характерны массовые формы протеста и артикуляции своих социальных и экономических ожиданий, то, например, для Ростовской области, наоборот, характерным выражением протеста становятся аномия и отказ от участия в общественной и политической

жизни при сохранении протестных настроений, это форма своеобразной внутренней эмиграции [8].

Исследование показывает, что у значительной части представителей СК в Ростовской области присутствует состояние растерянности и социальной неопределенности. Возможности СК в Ростовской области являются достаточно ограниченными в плане как потребления, так и артикуляции и защиты своих интересов. СК достаточно нестабилен и разнороден и показывает низкую способность к политической мобилизации и низкую активность, ориентируясь на выживание, а не на развитие.

Экономическое положение и поведенческие стратегии СК в Ростовской области в целом следуют общероссийским тенденциям, но есть и достаточно заметные региональные отличия и тенденции. Они связаны со спецификой Ростовской области и ее ролью в экономических и социальных процессах, а также качеством регионального управления. Экономическое положение СК, несмотря на еще не до конца преодоленные последствия экономического кризиса, оценивается представителями СК достаточно оптимистично, хотя и с определённой тенденцией к стагнации. Так, 35,3 % респондентов говорят о положительной динамике в изменении своего материального положения, что ниже общероссийского показателя 41 %, для 49,3 % положение оставалось без изменений и только для 15,4 % стало очевидно ее ухудшение. Этот показатель выше, чем среднероссийский.

Количество же респондентов, которые оценивают свое положение оптимистично, чуть ниже, чем показывают общероссийские данные. При этом нужно будет делать поправку на пока еще до конца не ясные факторы, связанные с возможными экономическими последствиями экономических санкций Европейского союза и США, а также российских контрсанкций. Кроме того, следует не забывать, что Ростовская область в результате событий на Юго-Востоке Украины по сути стала прифронтовым регионом, что значительно сказалось на ощущении жителей. Данный фактор, несмотря на социально-экономический кризис последних лет, делает отношения жителей области, включая СК, достаточно лояльными к федеральным и региональным властям, усиливает патриотические настроения. Так, 83,3 % респондентов убеждены, что при всех своих недостатках нынешняя власть заслуживает поддержки, непримиримая оппозиция (считающая, что нынешняя власть должна быть заменена) составляет 16,7 %.

Для потенциальной угрозы дестабилизации социальной ситуации немало, но это разрозненная неструктурированная группа, не готовая к

тому же к активным протестным действиям. Большинство респондентов умеренно позитивно оценивают результаты последнего президентства В.В. Путина, учитывая, что на него выпало много объективных вызовов в геополитической и социально-экономической сферах.

Что касается взгляда в будущее, на момент проведения социологического опроса были зафиксированы следующие результаты. Большинство респондентов видят свое будущее довольно оптимистично (54,8 %), для этого есть основания, связанные со стабильностью политического режима, но опять-таки нужно сделать поправки на ближайшие и отдаленные последствия экономических санкций, поскольку достаточно большое количество представителей СК работает в таких сферах российской экономики, которые от данных действий пострадают. Процент тех, кто смотрит на свое будущее пессимистично, совпадает с теми, кто отмечает ухудшение своего текущего положения. Можно сделать вывод, что данные респонденты это именно те, кто уже оказался в ситуации, связанной со снижением своих доходов, и такие люди не видят перспектив исправления негативных тенденций.

Несмотря на общий достаточно оптимистичный настрой, касающийся оценки текущего экономического положения и перспектив на будущее, этот оптимизм не проявляется в таком важном показателе, как планирование и выработка жизненных стратегий. Большинство респондентов (40,5 %) готовы планировать что-либо только на период, не превышающий 1-2 года. Примерно столько же респондентов (39,5 %) считают, что в современной жизни вообще невозможно ничего планировать и нужно жить одним днем.

Для понимания оценки СК в Ростовской области своего положения важным индикатором являются проблемы, с которыми его представителям приходится сталкиваться. Для большинства респондентов актуален следующий комплекс проблем: с работой (35,9 %), со здоровьем и неудовлетворительным материальным положением (26,4 %). По сравнению с общероссийскими данными в Ростовской области это достаточно высокий процент, что показывает наличие в регионе тревожных тенденций, связанных с падением уровня жизни даже у такой категории населения, которая на фоне других социальных групп должна быть благополучной. Это может свидетельствовать и о том, что эти 26,4 % относятся к СК по маркерам, связанным с уровнем образования, самоидентификацией, характером профессиональной деятельности, но не по такому показателю, как уровень доходов. Только 21,4 % респондентов могут с точки зрения существующих проблем считаться

полноценным СК в его европейском и американском понимании. Они не испытывают в жизни каких-либо серьезных затруднений и дискомфорта, чувствуют себя уверенно.

Для большей части респондентов характерны стратегии выживания, потребительская и сберегательные, ориентированные на то, чтобы жить здесь и сейчас или просто выживать в условиях, которые представители регионального СК считают для себя неблагоприятными. Совокупность данных показывает, что даже в установках СК и его периферийной зоны в меньшей степени присутствует стратегия, направленная на инвестиции, исключение составляет образование. Как и в отношении жизненных и политических стратегий, СК в Ростовской области в экономической сфере проявляет признаки нестабильности и ориентирован на сохранение уже приобретенных позиций, а не на развитие. СК видит существующие проблемы экономической жизни (коррупция, недоступность ресурсов для собственных экономических проектов), но относящие себя к СК респонденты не представляют перспектив преодоления этой ситуации, тем более с точки зрения своего участия в этом. К СК зачастую относятся люди, готовые решать собственные проблемы, не дожидаясь власти, а реализуя механизмы самоорганизации [1].

Несмотря на рост числа антикоррупционных дел в последние годы, перелома в этой системной проблеме не произошло. 42,8 % считают, что ситуация осталась прежней, 31,2 – что ситуация ухудшилась и всего 19,5 % усмотрели улучшение в борьбе с коррупцией. Хроническое состояние ситуации с коррупцией или ее общественного восприятия является источником недоверия между государством и СК, обществом в целом, поддерживает латентную социальную напряженность.

Остальные результаты политики в социальной сфере Ростовской области оцениваются как достаточно стабильные с преобладанием, в отличие от средних показателей по России, положительных оценок над негативными. Социальное самочувствие жителей, несмотря на военные действия на Украине на границе региона, внутриобластные проблемы, достаточно уверенное, что и обеспечивает доверие к государственным институтам, исходя из понимания их возможностей на сегодняшний день.

Прежде всего, респонденты отмечают эффективность в области профилактики терроризма (48,9 % считают, что ситуация улучшилась, более чем в три раза меньше тех, кто полагает, что ситуация ухудшилась, – 14,6 %, а 28,3 % – осталось прежней).

В большей степени, чем по стране в целом, отмечают успехи в сокращении безработицы – 44,3 % (34 % по РФ), повышение уровня жизни населения – 41,6 (22 % по РФ), улучшение ситуации в экономике – 38,1 (14 % по РФ), в пенсионном обеспечении – 29,7 % (19 % по РФ), хотя объективная ситуация в этих сферах далека от социальных ожиданий. В отличие от среднероссийских показателей ответы ростовчан на данные вопросы вполне согласуются с их оценками (и оценками среднего россиянина): возможность зарабатывать – 39,8 % (по РФ – 40 %) считают, что ситуация улучшилась, и только 5,9 % (по РФ – 4 %) полагают, что она ухудшилась.

За последний год власти области активизировали деятельность по формированию бренда территории, своего имиджа, стали более открытыми и публичными, что сказалось на оценке населением ситуации с демократией и политическими свободами граждан в Ростовской области; 31,8 % считают, что ситуация улучшилась, 43,3 – осталась прежней и всего 15,7 % – ухудшилась. Более противоречиво, но с преобладанием положительных ответов над негативными оценивается жилищная ситуация: 23,3 % – улучшилась, 22,4 – ухудшилась (по РФ 14 и 26 % соответственно), осталась прежней – 46,6 (по РФ 55 %); сфера морали – 28,1 % – улучшилась, 24 – ухудшилась; социальная справедливость – 24 – улучшилась, 20,4 % – ухудшилась.

Важными для национального самосознания россиян и жителей Ростовской области, в частности, являются статус Российской Федерации и национально-государственное самоуважение, ущемленное в 90-е гг. XX в. после крушения Советского Союза. В области, как и в России в целом, но, может быть, несколько шире, преобладают неоконсервативные и неоевразийские настроения, включая значительную часть СК. У подавляющего числа ростовчан низка популярность СМИ, формирующих западно-либеральные образы российской политики («Дождь», «Новая газета», «Эхо Москвы» и соответствующие блогеры).

На практике представители СК постепенно усиливают инвестирование в решение своих социальных проблем. В первую очередь это проблемы комфорта и безопасности в месте проживания: 61,3 % уже оплачивали или готовы оплачивать их, причем данные ответы распределились практически поровну. Не готовы оплачивать собственную безопасность 26,6 % респондентов, вероятно, не располагающие в большинстве необходимыми средствами.

Есть определенная заинтересованность СК в добровольном пенсионном страховании. Исключая силовиков и некоторые иные катего-

рии граждан, выход на пенсию выводит человека из состава СК, так как обязательное пенсионное страхование не обеспечивает необходимого материального достатка. Поэтому 32,7 % уже оплачивали добровольное пенсионное страхование, а 18,5 % готовы его оплачивать (всего 51,2 %). То есть социальная поддержка пенсионной реформы достаточно существенна. Однако ожидания неудачи очередной пенсионной реформы в обществе были достаточно велики, поэтому 36,5 % респондентов не собирались в ней участвовать, а попытки «заморозить» накопительную часть пенсий только усиливают потенциал разочарования в этой сфере.

Таким образом, в Ростовской области население в целом и СК в частности не идеализируют федеральную и региональную государственную социальную политику, состояние социальной сферы в Ростовской области, но в целом с пониманием относятся к проблемам властных структур в условиях социально-экономического кризиса. СК и население Ростовской области в целом готовы к социальному партнерству с государством не только по решению задач, стоящих перед данной социальной группой, и реанимации личных интересов, но и реализации общегосударственных, общенациональных задач, что создает предпосылки для преодоления комплекса исторического неудачника, навязанного стране на рубеже 80–90-х гг. XX в. и деморализовавшего наше общество.

Как известно, российское общество в пореформенный период погрузилось в системный ценностный раскол. В период 2000-х гг. ценностный и социальный раскол был несколько демпфирован положительной экономической динамикой, ростом качества жизни и объемов потребления практически всех слоев российского общества, тенденциями централизации государственного управления.

События на Юго-Востоке Украины, исторически тесно связанной с Доном, особенно на Донбассе (часть которого входила в земли Всеволоцкого войска Донского, а в последние годы в еврорегион «Донбасс»), с особым сочувствием воспринимаются жителями области. При всей неоднозначности развития ситуации на Юго-Востоке Украины и ее внешнеполитических последствий международный авторитет России, ее международное достоинство и место в мировом сообществе в общественном мнении ростовчан укрепились. Попытки Запада изолировать Россию от международной арены, очередное разжигание русофобии, введение санкций серьезно не повлияли на позицию общественного мнения в этом вопросе, а только консолидировали все общество.

Литература

1. Барков Ф.А., Сериков А.В. Трансформация социальных практик самоорганизации населения в институты контроля качества публичных услуг // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 3.
2. Волков Ю.Г., Черноус В.В., Сериков А.В., Барков Ф.А., Барбашин М.Ю., Гвинтовкин А.Н., Садко Д.О. Ростовская область: двадцать лет реформ глазами жителей // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1.
3. Воденко К.В. Современная социально-экономическая политика: культурные и философские основания // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 77–89.
4. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М., 2011.
5. Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1.
6. Гринберг Р.С. Экономическое измерение российской модернизации: императивы и риски // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1.
7. Панкратов С.А., Истомин В.Ю. Образ жизни и идейно-политические предпочтения среднего класса на современном этапе модернизации России // Власть. 2012. № 3.
8. Сериков А.В. Состояние и проблемы развития донского казачества // Гуманитарий Юга России. 2014. № 4.
9. Сериков А.В., Черноус В.В. Общественная активность молодежи Ростовской области (по результатам социологического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7.
10. Симолян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // Социологические исследования. 2012. № 1.
11. Средний класс в современной России: 10 лет спустя: аналит. доклад. М., 2014.
12. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М., 2014.
13. Чаплыгин А.Э. Качественные особенности среднего класса в современной России // Власть. 2012. № 5.

References

1. Barkov F.A., Serikov A.V. Transformatsiia sotsial'nykh praktik samoorganizatsiia naseleniia v instituty kontroliia kachestva publicnykh uslug // Istoricheskaiia i sotsial'no-obrazovatel'naia mys'l'. 2010. № 3.
2. Volkov Iu.G., Chernous V.V., Serikov A.V., Barkov F.A., Barbashin M.Iu., Gvintovkin A.N., Sadko D.O. Rostovskaia oblast': dvadtsat' let reform glazami zhitelei // Gumanitarii Iuga Rossii. 2012. № 1.
3. Vodenko K.V. Sovremennaia sotsial'no-ekonomicheskaiia politika: kul'turnye i filosofskie osnovaniia // Gumanitarii Iuga Rossii. 2014. № 3. S. 77–89.
4. Gorshkov M.K. Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki). M., 2011.
5. Gorshkov M.K. Sotsial'nye neravenstva kak vyzov sovremennoi Rossii // Vestnik Instituta sotsiologii. 2010. № 1.
6. Grinberg R.S. Ekonomicheskoe izmerenie rossiiskoi modernizatsii: imperativy i riski // Gumanitarii Iuga Rossii. 2012. № 1.
7. Pankratov S.A., Istomin V.Iu. Obraz zhizni i ideino-politicheskie predpochteniia srednego klassa na sovremennom etape modernizatsii Rossii // Vlast'. 2012. № 3.
8. Serikov A.V. Sostoianie i problemy razvitiia donsogo kazachestva // Gumanitarii Iuga Rossii. 2014. № 4.
9. Serikov A.V., Chernous V.V. Obshchestvennaia aktivnost' molodezhi Rostovskoi oblasti (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) // Sotsial'no-gumanitarnye znaniia. 2012. № 7.
10. Simonian R.Kh. Reformy 1990-kh godov i sovremennaia sotsial'naia struktura rossiiskogo obshchestva (k 20-letiiu ekonomicheskikh reform) // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2012. № 1.
11. Srednii klass v sovremennoi Rossii: 10 let spustia: analit. doklad. M., 2014.
12. Tikhonova N.E. Sotsial'naia struktura Rossii: teorii i real'nost'. M., 2014.
13. Chaplygin A.E. Kachestvennye osobennosti srednego klassa v sovremennoi Rossii // Vlast'. 2012. № 5.